Р.У.Камалова

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ[1]

Ключевые слова: этничность, этническая фрагментация, этническая поляризация, индексы этнической гетерогенности

Введение

Вопрос об источниках социальных конфликтов изучается очень давно. На протяжении долгого времени в центре внимания исследователей, обращавшихся к этой теме, находилось распределение доходов и имущественное неравенство[2], однако со второй половины XX в., по мере «потускнения» лево-правой идеологической оси, усилился интерес к неэкономическим факторам социальной напряженности, в том числе связанным с этнической фрагментацией общества[3].

Хотя понятия «этничность» и «этническая идентичность» широко используются еще с середины 70-х годов XX в.[4], они до сих пор не имеют общепринятого определения, оставаясь расплывчатыми и аморфными. Более того, предметом дискуссий является «вся система понятий, применяемых в научной литературе при характеристике этнических конфликтов»[5].

На сегодняшний день можно выделить три основных подхода к пониманию этничности и этнической идентичности — примордиалистский, конструктивистский и инструменталистский. Если примордиалисты трактуют этничность как «врожденную» характеристику, обусловленную происхождением, то конструктивисты видят в ней «вопрос веры»[6], считая этнос «воображаемой общностью», возникшей в результате упрощения картины мира и социальной организации культурных различий. Что касается инструменталистов, то они рассматривают этническую принадлежность как объективную характеристику (в том смысле, что она задает членство индивида в некоторой общности), которая актуализируется политическими элитами в целях борьбы за политические привилегии и экономические блага. Не вызывает сомнений, что от подхода, используемого исследователем при определении этнических групп, во многом зависят полученные им результаты.

Согласно Д.Горовицу, этническая принадлежность основана на представлении об общем происхождении и присутствии тех или иных врожденных свойств, что делает ее неотделимой от кровного родства или родства через брак[7]. Близким образом трактует этническую группу и Дж.Фирон. В статье, написанной в соавторстве с Д.Лайтином, он характеризует ее как «автономную группу с признанной историей, более

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г. Автор выражает свою признательность Ф.Т.Алескерову за ценные замечания и комментарии к тексту.

[2] Midlarski 1988; Muller et al. 1989; Brockett 1992.

[3] Brubaker, Laitin 1998.

[4] В отечественной науке они начали утверждаться с конца 1980-х, постепенно вытеснив употреблявшийся ранее термин «этническое самосознание» (см. Хабенская 2006).

[5] Паин 2012: 36.

[6] Тишков 2003.

[7] Horowitz 1985: 52.

крупную, чем семья, членство в которой определяется в первую очередь происхождением»[8]. К параметрам этнической группы он относит, помимо этого, осознание членами группы своей принадлежности к ней, а также наличие неких культурных особенностей, ценимых большинством членов группы, и родины (homeland) — места происхождения, существующего хотя бы на уровне воспоминаний, с которым имеется духовная связь[9]. Данная дефиниция позволяет рассматривать в качестве этнической группы и тех, кто говорит на разных языках и не имеет общей территории или расколот по клановому признаку, например евреев и сомалийцев.

[8] Fearon, Laitin 2000: 20.

[9] Fearon 2003: 7.

Несколько иной акцент в определении этнической группы мы видим у М.Вебера. В его формулировке, к категории этнических относятся такие группы, члены которых «субъективно верят в свое общее происхождение по причине сходства физического облика или обычаев, или того и другого одновременно, либо по причине общей памяти о колонизации или миграции. Эта вера должна быть важной для формирования группы независимо от того, существует ли кровное родство»[10].

[10] Weber 1968: 389.

Итак, при рассмотрении этнической группы, как правило, подчеркивается общее происхождение образующих ее индивидов или хотя бы идея о нем, а также наличие общей культуры и истории. Являясь принципиально автономной, этническая группа не может быть ограничена семьей или родом, а должна составлять часть населения страны, и если «в некотором месте человек принадлежит к данной группе, то и его братья должны иметь возможность входить в ее состав»[11].

[11] Chandra 2006: 400.

Этническая идентичность считается мощным фактором социального и политического поведения, прежде всего в странах Африки, где она выступает важным инструментом в борьбе за власть. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты исследования, где не материале 10 стран континента было показано, что в ходе конкурентных президентских выборов люди склонны ставить во главу угла свою этническую принадлежность, к которой и апеллируют кандидаты[12]. Однако вопрос об истоках данного феномена остается дискуссионным.

[12] Eifert, Miguel, Posner 2010.

У этнической и — шире — культурной гетерогенности есть, бесспорно, свои положительные стороны, ибо сопряженное с ней разнообразие навыков, образования и т.п. должно способствовать развитию экономики и распространению инноваций. Так, имеются основания полагать, что успех Кремниевой долины в 1980—1990-е годы не в последнюю очередь был обусловлен разнообразием культурного и профессионального опыта исследователей и предпринимателей[13]. Вместе с тем многие исследования обнаруживают, что этнолингвистическая раздробленность отрицательно связана с экономическим развитием (возможно, за исключением передовых экономик) и положительно — с возникновением гражданских конфликтов[14].

[13] См. Ginsburgh, Weber 2011: 13.

[14] Ibid: 10.

Ответ на вопрос о влиянии этнической гетерогенности на возникновение конфликтов отчасти зависит от трактовки понятия «гетерогенность». Существуют два главных подхода к анализу таковой,

базирующиеся на измерении степени фрагментированности общества[15] и уровня его поляризованности[16].

Фрагментированность характеризует раздробленность страны по некоторому признаку. Если население страны А состоит из двух групп одинаковой численности, а население страны В — из трех групп одинаковой численности, то фрагментированность в стране В выше. Поляризованность, в свою очередь, учитывает степень сходства между группами: чем меньше сходство, тем острее антагонизм в обществе.

Фрагментированность и поляризованность общества могут определяться многими факторами — распределением доходов, этнической, религиозной и лингвистической принадлежностью, политическим симпатиям и пр.[17] Предметом нашего интереса является этническая гетерогенность и ее влияние на положение дел в обществе.

[15] См. Alesina, et al. 2003; Fearon, Laitin 2003; Collier, Hoeffler 2004.

[16] Esteban, Ray 1994; Montalvo, Reynal-Querol 2005.

[17] Алескеров и др. 2005.

Индексы этнической гетерогенности

Для измерения этнической гетерогенности используются семь основных индексов:

1) индекс этнолингвистической фрагментированности (ИЭЛФ);
2) индекс Гринберга (GI);
3) индекс второстепенной гетерогенности (PH — peripheral heterogeneity);
4) индекс поляризованности Эстебана—Рэя (ER);
5) индекс поляризованности Рейнал-Кэрол (RQ);
6) индекс поляризованности Вольфсона;
7) индекс поляризованности Алескерова—Голубенко.

Среди перечисленных выше индексов наибольшей популярностью пользуется *индекс этнолингвистической фрагментированности*, который рассчитывается по формуле:

$$ИЭЛФ = 1 - \sum_{i=1}^{N} s_i^2 ,$$

где s_i — доля i-й этнической группы в общей численности населения, N — число групп. Область допустимых значений индекса — [0;1]; чем больше в обществе этнических групп, тем выше значение индекса. При полностью гомогенном обществе ИЭЛФ принимает значение ноль. ИЭЛФ представляет собой преобразование индекса Херфиндаля—Хиршмана (HHI), используемого в экономике для оценки степени монополизации рынка:

$$ИЭЛФ = 1 - HHI.$$

Достоинство индекса заключается в том, что его величину можно ясно интерпретировать как вероятность, с которой два случайно выбранных в обществе индивида будут принадлежать к разным этническим группам. Именно ИЭЛФ использовался в ранних исследованиях связи

между этнической гетерогенностью обществ и некоторыми экономическими показателями (такими, как политика перераспределения и объемы финансирования общественных благ).

Однако при данном подходе к оценке этнической гетерогенности не принимается во внимание дистанция между группами, образующими общество, а значит, не проводится различие между действительно важными и малозначимыми расколами.

В 1956 г. Дж.Гринбергом был предложен *индекс разнообразия*, учитывающий расстояния между группами[18]:

[18] *Greenberg 1956.*

$$GI = 1 - \sum_{i=1}^{N}\sum_{j=1}^{N} s_i s_j \tau_{ij},$$

где s_i, s_j — доли i-й и j-й этнических групп в общей численности населения; τ_{ij} — культурная «дистанция» между i-й и j-й этническими группами; N — число этнических групп. Индекс GI изменяется в диапазоне от нуля до единицы. Идеальному типу, при котором GI обращается в ноль, соответствует ситуация, когда общество гомогенно. К ситуации гомогенности общество может приближаться и в случае наличия доминантной группы. Напротив, GI, близкий к единице, свидетельствует о наличии большого числа групп с незначительным относительным численным весом в обществе.

Индекс второстепенной гетерогенности является преобразованием индекса Гринберга[19]. Ранговая корреляция между ними составляет 0,93. Для его расчета требуется информация не обо всех попарных расстояниях между этническими группами, а только о расстоянии между основной («титульной») группой и прочими, составляющими население страны:

[19] *Desmet, Ortuño-Ortín, Weber 2005.*

$$PH = 2\sum_{j=1}^{N} s_c s_j \tau_{cj},$$

где s_c — доля основной этнической группы в общей численности населения, s_j — доля j-й этнической группы в общей численности населения, τ_{cj} — дистанция между c-й и j-й этническими группами, N — число этнических групп.

Как справедливо заметил в свое время Г.Беккер, индивидам свойственно сопереживать членам своей группы; более того, они обычно меньше любят тех, кто сильно от них отличается[20]. Методикой, позволяющей учесть конфликтный потенциал этнической гетерогенности, является вычисление индексов поляризованности.

[20] *Цит. по: Desmet, Ortuño-Ortín, Weber 2009: 1291—1292.*

В 1994 г. в работе Дж.Эстебана и Д.Рэя была представлена методология «идентификация—отчуждение», базирующаяся на идее эффективного антагонизма, в соответствии с которой чувство принадлежности к своей группой усиливает поляризованность, связанную с отчуждением от других групп[21].

[21] *Esteban, Ray 1994.*

Индекс поляризованности Эстебана—Рэя позволяет измерить, «насколько распределение долей этнических групп отходит от

биполярного»[22]. Под биполярным распределением понимается ситуация, когда общество состоит из двух одинаковых по численности этнических групп. «Простейший, предельный случай, возможный только в теории, — когда все сообщество без остатка разделено на две численно равные группы, придерживающиеся диаметрально противоположных позиций по всем политически референтным вопросам. Поляризованность такого общества была бы абсолютной. Соответственно, полная гомогенность политических ориентаций означала бы нулевой уровень поляризованности»[23].

Следует отметить, что лежащая в основе *ER* концепция не противоречит заключению Горовица, согласно которому поляризованность является наибольшей тогда, когда этническому большинству противостоит крупное этническое меньшинство, то есть вероятность этнического конфликта нелинейно связана с этнической гетерогенностью[24].

Формально индекс *ER* выглядит следующим образом:

$$ER = K\sum_{i=1}^{N}\sum_{j=1}^{N} s_i^{1+\alpha} s_j \tau_{ij},$$

где s_i, s_j — доли i-й и j-й этнических групп в общей численности населения, τ_{ij} — культурная «дистанция» между i-й и j-й этническими группами, N — число этнических групп, K и α — масштабирующие коэффициенты, задающие область допустимых значений индекса (допустимые значения α лежат в интервале [0; 1,6]).

Задача подбора значений масштабирующих коэффициентов ложится на исследователя. В эмпирических исследованиях коэффициент α принимал значения 0; 0,8; 1; 1,6 при K=1[25].

Индекс поляризованности Рейнал-Кэрол, являющийся частным случаем индекса поляризованности Эстебана—Рея[26], рассчитывается по формуле:

$$RQ = 1 - \sum_{i=1}^{N}\left(\frac{0,5 - s_i}{0,5}\right)^2 s_i = 4\sum_{i=1}^{N} s_i^2 (1 - s_i),$$

где s_i —доля этнической группы i в общей численности населения, N — число групп. Область допустимых значений индекса RQ — [0;1]. Значение 0 характеризует общество, где имеется лишь одна этническая группа; значение 1 отражает ситуацию с биполярным распределением долей этнических групп. По формуле видно, что масштабирующие коэффициенты K и α равны 4 и 1 соответственно. Другая особенность индекса заключается в том, что расстояние τ_{ij} принимает всего два значения: если $i = j$, $\tau_{ij} = 0$, если нет — $\tau_{ij} = 1$.

Индекс поляризованности Вольфсона базируется на отклонениях крайних точек от медианного значения дохода (или другого анализируемого признака)[27]. Его связь с индексом имущественного неравенства Джини показана на *рис. 1*. Формула для расчета индекса выглядит следующим образом:

[22] *Ibid: 830—831.*

[23] *Алескеров и др. 2005: 3.*

[24] *См. Montalvo, Reynal-Querol 2005: 798.*

[25] *Alesina et al. 2003; Duclos, Esteban, Ray 2004.*

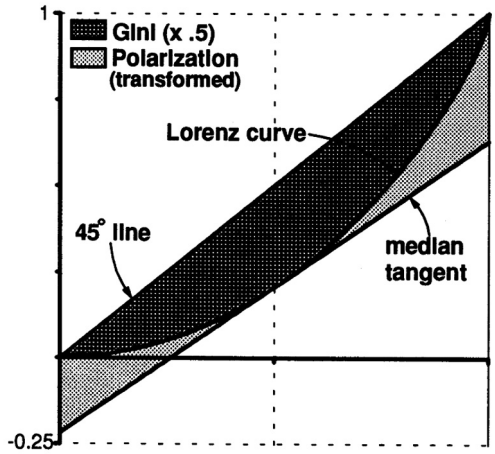
[26] *Reynal-Querol 2002: 33.*

[27] *Wolfson 1994.*

$$P_m^W(F) = 4\frac{\mu}{m}P_1 = 4\frac{\mu}{m}\left[T_m - \frac{G(F)}{2}\right] = 2\frac{\mu}{m}\left[2\left(1/2 - L(1/2)\right) - G(F)\right],$$

где μ — величина среднего дохода F, m — величина медианы, $G(F)$ — коэффициент Джини, $L(1/2)$ — значение кривой Лоренца в точке 1/2, T_m — площадь трапеции, образованной прямой под углом 45° и касательной в кривой Лоренца в точке 1/2.

Рисунок 1 Графическое изображение индекса поляризованности Вольфсона



В основе *индекса поляризованности Алескерова—Голубенко* лежит понятие центра масс некоей системы точек p_i, относящихся к позициям групп[28]. Каждая из групп обладает относительным весом υ_i в общей численности населения, $\sum_i^k \upsilon_k = 1$. Для расчета центра масс используется формула:

[28] *Алескеров, Голубенко 2003.*

$$c = \sum_{k=1}^{n} \upsilon_k p_k .$$

Индекс рассчитывается по формуле:

$$\Pi = 2\sum_{i=1}^{n} \upsilon_i \left| p_i - c \right| .$$

Область допустимых значений индекса поляризованности Алескерова—Голубенко — [0;1]. Минимальное значение индекса соответствует гомогенному обществу, где имеется только одна группа и $p_i = c$, максимальное — ситуации, когда в обществе представлены две группы одинаковой численности, занимающие крайние позиции.

Расстояния между группами

Для того чтобы рассчитать значения некоторых индексов этнической гетерогенности, необходимо подобрать показатель τ_{ij}, характеризующий расстояние между группами. Существует несколько подходов к решению этой задачи.

Экспертные оценки. В ранних работах главным источником данных для расчета значений индекса этнической фрагментированности был Атлас народов мира, составленный в СССР в 1964 г.[29] В более поздних исследованиях использовались Британская энциклопедия, Справочник ЦРУ по странам мира и материалы национальных переписей населения[30]. Полезную информацию об этнических меньшинствах дает также проект «Меньшинства под угрозой»[31], инициированный Т.Гарром в 1986 г., однако в нем не представлены крупные этнические группы, что снижает возможности его применения при составлении индексов этнической гетерогенности.

Различение между группами в политических сообществах может производиться по одной или нескольким объективным характеристикам — языку, религии, расовой, этнической или племенной принадлежности[32]. Так, если в Африке хорошим индикатором неоднородности сообществ служит языковое разнообразие, то, например, в США или Южной Америке куда более важным разделяющим фактором может оказаться конфессиональная или расовая принадлежность, что учитывалось в некоторых исследованиях при расчете индексов фрагментированности[33]. Предлагался также подход с оценкой фрагментированности на трех уровнях агрегирования данных[34]: на первом, наиболее обобщенном уровне определяются группы, значимые на национальном уровне (например, группа «арабов»), затем выявляются группы «среднего» уровня (скажем, сирийцы, палестинцы, кувейтцы), которые, в свою очередь, подразделяются по этническому признаку.

Объединив оба подхода, Ф.Рёдер рассчитал индексы для этнических групп, выделенных по разным основаниям (например, с учетом расовой принадлежности и без), а также с разной степенью дробности этнического разделения[35]. Следует отметить, что, помимо Атласа народов мира, им использовались и более поздние источники, в том числе этнодемографический справочник «Население мира» под редакцией С.И.Брука[36] и историко-этнографический справочник «Народы мира» под редакцией Ю.В.Бромлея[37].

Для преодоления недостатков ИЭЛФ в 2004 г. Д.Познер ввел индекс политически релевантных этнических групп *(Politically Relevant Ethnic Groups — PREG)*, где учитываются лишь значимые в политическом плане этносы (все остальные этнические группы рассматриваются как одна)[38]. Индекс вычисляется по той же формуле, что и ИЭЛФ, но расчет значений требует выявления соответствующих этносов на экспертном уровне. Для стран Тропической Африки корреляция PREG с индексами ИЭЛФ, рассчитанными Фироном и А.Алезиной с соавторами, составила 0,44 и 0,48 соответственно.

[29] См. Easterly, Levine 1997; La Porta et al. 1999. Несмотря на появление в 2010 г. оцифрованной версии Атласа (см. Weidmann, Rød, Cederman 2010), современные исследователи редко обращаются к содержащейся в нем информации, поскольку в ряде случаев она просто устарела и не всегда позволяет выявить релевантные политические расколы.

[30] Alesina et al. 2003; Fearon 2003.

[31] Minorities s.a.

[32] Posner 2004.

[33] Alesina et al. 2003.

[34] Scarritt, Mozaffar 1999.

[35] Roeder 2001.

[36] Брук 1986.

[37] Бромлей (ред.) 1988.

[38] Posner 2004.

А последние два индекса, в свою очередь, коррелируют между собой на уровне 0,89[39].

[39] *Ibid: 857.*

Предложенный Познером подход в очередной раз поставил вопрос о прозрачности процедуры кодирования, ее зависимости от субъективной позиции исследователя и ограниченной воспроизводимости. Более того, стало очевидным, что его использование крайне затруднительно, если вообще возможно, на субрегиональном уровне.

Часть проблем, связанных с экспертным определением политически значимых этнических групп, попытались решить авторы проекта «Властные отношения и этнические группы» *(Ethnic Power Relations — EPR)*[40]. В 2010 г. на основе онлайн-опроса экспертов была создана база данных, содержащая информацию о релевантных этнических группах, доступе к политической власти и изменениях в конфигурациях властных отношений в 156 государствах (с численностью населения не менее 1 млн. человек и сухопутной территорией не менее 50.000 км^2 по состоянию на 2005 г.) в период с 1946 по 2005 г.[41] Критерием зачисления этнической группы в категорию политически значимых было наличие хотя бы одного политика или партии, позиционирующих себя в качестве представителей ее интересов на национальном уровне, либо систематическая дискриминация на властном поле (в органах исполнительной власти и армии). Всего было выделено 733 таких групп.

[40] *Ethnic s.a.*

[41] *Cederman, Wimmer, Min 2010.*

У базы EPR существует версия GeoEPR, интегрированная с геоинформационной системой[42]. GeoEPR не улавливает изменений в потоках иммигрантов и беженцев и фиксирует только внушительные сдвиги в этническом составе населения страны, Тем не менее эта база является ценным источником информации для пространственного моделирования. Проведенные с ее использованием исследования выявили важность расположения и географического разброса этнических групп при этнических конфликтах и связь между лишением этнических групп политического влияния и их склонностью к антиправительственным выступлениям[43].

[42] *Geo-referencing s.a.*

[43] *См. Cederman, Wimmer, Min 2010.*

Лингвистическое древо. При расчете ИЭЛФ расстояние между этническими группами явным образом не учитывается[44], и все группы, выделенные исходя из содержащихся в энциклопедических изданиях данных, считаются одинаково отдаленным друг от друга. Это не всегда верно. Так, в Андорре около половины населения говорит на каталонском языке, а оставшиеся — на испанском (оба языка принадлежат к романской группе). В свою очередь, в Бельгии порядка 60% жителей говорят на голландском (германская группа), а 40% — на французском (романская группа). ИЭЛФ покажет, что Андорра более неоднородна, чем Бельгия, поскольку этот индекс не принимает во внимание дистанцию между группами. Более корректно оценить относительную неоднородность Бельгии и Андорры позволяет индекс Гринберга[45], однако для его вычисления, в свою очередь, требуется информация о расстояниях между группами.

[44] *См., напр. Easterly, Levine 1997; La Porta et al. 1999; Scarritt, Mozaffar 1999; Roeder 2001; Alesina et al. 2003; Fearon 2003; Posner 2004.*

[45] *Desmet, Ortuño-Ortín, Weber 2009: 1292.*

В качестве индикатора «культурной дистанции» между группами может использоваться «расстояние» между языками на лингвистическом древе[46], рассчитываемое по формуле:

$$\tau_{ij} = 1 - \left(l / m \right)^{\alpha},$$

где l — число совместно разделяемых двумя языками ветвей лингвистического древа; m — общее число ветвей, которые могут быть общими для двух языков; значение α лежит в интервале [0;1]. Величина τ_{ij} принимает значение 1, когда «дистанция» между i-й и j-й этническими группами максимальна (например, язык группы i относится к индоевропейской семье, а язык группы j — к алтайской); если обе группы говорят на одном языке, $\tau_{ij} = 0$.

Данный подход выглядит удобным и логичным: чем ближе языки, на которых говорят составляющие политическое сообщество этнические группы, тем более однородным оно может считаться. Вместе с тем остается открытым вопрос о выборе значения для степени α. От этого параметра зависит, насколько близкими будут считаться языки, которые не разделяют хотя бы одну ветвь. Если α велико, то даже для «родственных» языков дистанция окажется существенной, что может не отвечать действительности. В исследовании Фирона, где обосновывается соответствующая методика, α = 0,5, что приводит к чрезмерной чувствительности τ_{ij} к языковым различиям, поэтому в некоторых работах при вычислении расстояний между этническими группами по указанной формуле используется α, равное 0,05[47].

Расчеты индекса ИЭЛФ с расстояниями, определенными по лингвистическому древу, показывают, что наиболее этнически фрагментированными являются страны Тропической Африки, а наименее фрагментированными — Западной Европы и Северной Америки. В странах Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР уровень этнической фрагментации ниже среднего[48].

Из порядка двухсот существующих в настоящее время стран лишь немногие (например, Северная Корея) могут претендовать на статус этнически и лингвистически гомогенных[49]. Согласно данным проекта «Этнология», в мире насчитывается почти 7 тыс. «живых» языков. Так, в Папуа — Новой Гвинее зафиксировано 857 языков, находящихся в употреблении, однако практически невозможно представить себе ситуацию, при которой подобное языковое многообразие станет основой политической или какой-либо иной мобилизации[50]. Вместе с тем имеются этнически разделенные страны с низкой степенью лингвистической неоднородности (например, Руанда). То есть, несмотря на удобство квантификации дистанции между этническими группами посредством лингвистического древа, этот подход не может считаться оптимальным и не в состоянии выявить все релевантные расколы в обществе, преувеличивая одни и недооценивая другие.

[46] Fearon 2003: 220.

[47] См., напр. Desmet, Ortuño-Ortín, Weber 2009; Esteban, Mayoral, Ray 2012.

[48] Lewis 2009. При расчетах учитывались только такие группы, размер которых превышает 1% от населения страны.

[49] См. Ginsburgh, Weber 2012: 35.

[50] Driessen 2008: 4.

Лексикостатистический анализ языков. При определении расстояния между этническими группами на основе языковых различий может использоваться также лексикостатистический анализ языков, позволяющий установить дату первоначального расхождения генетически близких языков. Соответствующая методика была предложена в 1952 г. М.Свадешом, ссылавшимся на наличие достаточного количества данных, «на основании которых можно... утверждать, что устанавливаемое лексикостатистикой время расхождения языков в известной мере приближается к действительному»[51].

[51] *Цит. по: Хойер 1960: 88.*

В соответствии с рассматриваемым подходом, выделяется «основной словарный запас» — 100 базовых понятий, относящихся к общеупотребительной лексике и содержащихся в любом языке (мать, отец, названия некоторых частей тела и т.п.), составляется перечень всех простых форм (морфем или слов) этих понятий в каждом из исследуемых языков, после чего для каждого из этих языков выявляется процент совпадающих элементов. Можно также определить дату начала дифференцированного развития пар языков, что, в свою очередь, позволит делать выводы о степени близости тех или иных сообществ.

Об адекватности подобных лексикостатистических датировок свидетельствуют другие исследования в области сравнительно-исторического языкознания[52]. Однако сама по себе методика не лишена недостатков. В частности, мы не знаем способа заранее исключить все особенности индивидуальных культур, потому «каждая попытка перевести опытный список (основной словарный запас — *Р.К.*) на какой-либо определенный язык, если задача выполняется тщательно и точно, неизбежно выявит некоторое количество оставшихся элементов, для которых не может быть найден единственный простой эквивалент, и более надежны результаты, полученные для родственных лингвистических группировок без сложных предварительных реконструкций»[53].

[52] *Климов 1959: 119—121.*

[53] *Хойер 1960: 106.*

Таким образом, будучи гораздо более надежным с точки зрения измерения дистанции между языками, этот метод существенно менее удобен, нежели подход, основанный на лингвистическом древе. В 1992 г. лексикостатистический анализ был проведен для языков индоевропейской семьи[54], однако для других языковых семей подобные исследования отсутствуют. В связи с этим его использование для количественной оценки расстояний между этническими группами не получило широкого распространения.

[54] *Dyen, Kruskal, Black 1992.*

Генетические расстояния. Дистанция между сообществами может быть рассчитана на основании генетических расстояний: сходство между индивидами — следствие общего происхождения, общих генных семейств. Изучением взаимосвязей между группами организмов и их сравнением, в том числе с помощью построения филогенетических (эволюционных) деревьев, занимается филогенетика. Например, современное население стран мира может быть исследовано с точки зрения

времени и пути миграций народов. Так, первой группой, отделившейся от остальных сообществ, были африканцы[55].

[55] *Nei, Takezaki 1996: 170.*

Основными типами ДНК-маркеров, использующихся для филогенетических исследований, являются митохондрии (мтДНК) и Y-хромосомы (Y-ДНК). Первые передаются по женской линии, вторые — по мужской. Таким образом, если знать скорость мутации в ДНК-маркерах, можно установить, сколько поколений отделяет рассматриваемых индивидов от общего предка[56].

[56] *Животовский, Хуснутдинова 2007.*

Вместе с тем в зонах смешения рас и этнических групп и, соответственно, генофондов верно определить этническую принадлежность затруднительно. В частности, это касается групп, населяющих Волго-Уральский регион, где столкнулись две расы, одна из которых пришла с запада, а вторая — с востока.

В социальных науках генетические расстояния применялись в межстрановых исследованиях доходов, доверия, культурной фрагментированности и пр.[57]

[57] *Ashraf, Galor 2013.*

Опросные данные. Обосновывая возможность измерения социального расстояния, Р.Парк в 1924 г. писал: «Тот факт, что мы можем легко различить степень близости, позволяет предположить, что мы сможем в конечном итоге измерять „расстояние“... аналогично тому, как мы теперь измеряем интеллект, хотя мы и не знаем все факторы, которые определяют интеллект, но мы знаем все факторы, которые определяют близость»[58].

[58] *Цит. по: Сергеев 2008: 57.*

Для измерения дистанции между этническими группами часто используется шкала Богардуса, разработанная в 1925 г. и модифицированная в 1933 г. В соответствии с этой методикой, базирующейся на опросных данных, каждому респонденту предлагается ответить на вопрос, в каком качестве он готов принять представителей другой этнической группы (или расы)[59]:

[59] *Там же: 58*

— в качестве близких родственников посредством брака (1);
— в качестве друзей (2);
— в качестве соседей, проживающих на той же улице (3);
— в качестве коллег по работе, имеющих ту же профессию (4);
— в качестве сограждан (5);
— только в качестве туристов (6);
— предпочел бы не видеть их в своей стране (7).

Предполагается, что соответствующие суждения отражают «социальные дистанции» по отношению к типичным членам изучаемой группы, а также что психологическое расстояние между последовательными суждениями одинаково. Групповая установка определяется как среднее по группе. Шкала носит ранговый характер. Максимальная социально-психологическая дистанция означает, что группа или индивид держатся обособленно.

Исследования по общенациональным репрезентативным выборкам с использованием шкалы Богардуса проводились, в частности,

на Украине. Рассчитывался «индекс ксенофобии» — средняя величина социальной дистанции до всех включенных в анализ этнических групп. В результате серии замеров, осуществлявшихся с 1994 по 2005 г., было зафиксировано заметное увеличение межэтнической отчужденности в стране: если в 1994 г. индекс ксенофобии составлял 3,45, то в 2005 г. — уже 4,24[60]. Вместе с тем некоторые авторы сомневаются в применимости методики Богардуса для измерения социального расстояния, доказывая, что «сама процедура позволяет определить отношение (установку) одной национальности по отношению к другой, а не расстояние между ними»[61].

[60] *Кириченко 2005.*

[61] *Сергеев 2008: 60.*

Опросные данные могут использоваться также для выявления групповых различий применительно к той или иной проблеме[62]. В этом случае респондентам предлагают оценить свое отношение к некоему суждению по шкале Лайкерта, обычно включающей в себя пять градаций: (1) полностью согласен; (2) согласен; (3) затрудняюсь ответить; (4) не согласен; (5) полностью не согласен.

[62] *См. Lind 2007.*

Выбранный вариант ответа служит объясняемой переменной в модели множественной регрессии, где в качестве одной из объясняющих переменных выступает принадлежность к группе. Принадлежность к группе, например этнической, можно представить в виде набора фиктивных переменных. Тогда модель регрессии (множественного упорядоченного выбора) будет выглядеть следующим образом:

$$y_k = f\left(\sum_{j=1}^{J} \delta_j q_{kj} + \beta' z_k + \varepsilon_k\right),$$

где y_k — ответ респондента k; z_i — вектор контрольных переменных; q_{ij} — индикатор принадлежности респондента k к группе j. Всего имеется J групп, то есть $j = 1... J$.

Оценка коэффициента δ_j показывает, насколько в среднем отличаются y_k для разных групп j (при прочих равных). Разница между оценками коэффициентов ($\tau_{ij} = \left|\hat{\delta}_i - \hat{\delta}_j\right|$) может рассматриваться как мера несходства между группами по интересующему исследователя вопросу. (Расчет такой матрицы расстояний является первым шагом в задаче кластеризации объектов.) Если для разных P вопросов были оценены P уравнений регрессии, то разница между оценками δ_{jp} для групп i и j вычисляется по формуле:

$$\tau_{ij} = \sqrt{\sum_{p=1}^{P} (\hat{\delta}_{ip} - \hat{\delta}_{jp})^2}.$$

Описанная методика использовалась, в частности, при оценке расстояний между расовыми группами в США[63]. Опираясь на данные опроса более 20 тыс. респондентов, автор анализировал ответы на широкий круг вопросов, касавшихся самых разных сюжетов — от окружающей среды и здравоохранения до налогообложения и внешней политики. В качестве одной из объясняющих переменных в моделях регрессии выступала расовая принадлежность («белые», «афроамериканцы»

[63] *Ibidem.*

и «другие»), в качестве контрольных переменных — возраст, число лет, проведенных в учебных заведениях, доход, пол, семейное положение, количество детей и др.

Вычисленное таким образом расстояние между «афроамериканцами» и «белыми» составило 0,708 (стандартная ошибка — 0,013), между «белыми» и «другими» — 0,211 (0,020), между «афроамериканцами» и «другими» — 0,588 (0,029). Сравнение ИЭЛФ, рассчитанного на основе полученных оценок расстояний, с «обычным» ИЭЛФ без учета расстояний показало, что последний переоценивает степень фрагментированности сообществ.

Применение индексов этнической гетерогенности

В неоднородных по этническому составу обществах высок потенциал нестабильности, чреватый ксенофобией и конфликтами. Подобная социальная нестабильность может быть фактором торможения экономического роста[64], снижения объема и качества предоставления общественных благ[65], слабости гражданского общества[66], роста коррупции[67] и т.п.

Проблемы Африки, вызванные низким экономическим ростом, приводящим к высокому бюджетному дефициту, недоразвитости рынков, в том числе валютных и финансовых, снижению уровня грамотности, плохой инфраструктуре, политической нестабильности, описаны в работе У.Истерли и Р.Левина[68]. На основе анализа эмпирических данных за 1960—1980-е годы авторы обнаружили, что многие параметры экономики и качество институтов стран южнее Сахары обусловлены этнической неоднородностью. Однако позднее было замечено, что этническая гетерогенность отрицательно связана с экономическим ростом лишь в автократиях и смешанных режимах; в демократиях такой связи нет[69]. Довольно слаба она и в переходных экономиках Центральной и Восточной Европы, Средней Азии и Монголии[70].

Влияние этнолингвистической гетерогенности на экономику объясняется в том числе и порождаемой ею необходимостью перевода с языка на язык. Например, в Европейском союзе с его 23 официальными языками перевод документов обходится в 1 млрд. евро[71]. Так сколько же языков должен знать человек? Ответ на этот вопрос имел бы немалое практическое значение для организации торговли, рынка труда и других сфер экономики. Большинство индексов основано на доле населения, говорящего на том или ином языке, тогда как с точки зрения экономики не менее существенно, кто именно говорит, ибо важность владения языками во многом зависит от профессии.

Авторы работы, посвященной воздействию этнолингвистической гетерогенности на политику перераспределения[72], предложили рассматривать лингвистическую неоднородность общества в качестве показателя его культурного разнообразия. Использовав для измерения этнолингвистической гетерогенности индексы фрагментированности (ИЭЛФ и GI), поляризованности (ER и RQ) и второстепенной

[64] Easterly, Levine 1997.

[65] Alesina et al. 1999.

[66] Alberto, La Ferrara 2000.

[67] Mauro 1995.

[68] Easterly, Levine 1997.

[69] Collier 2001.

[70] Campos, Saleh, Kuzeyev 2009.

[71] Ginsburgh, Weber 2012.

[72] См. Desmet, Ortuño-Ortín, Weber 2005. Перераспределение измерялось через долю трансфертов и субсидий в ВВП с использованием средних значений за 1985, 1990 и 1995 гг.

гетерогенности, исследователи пришли к однозначному выводу: уровень гетерогенности общества имеет значимую отрицательную связь с долей трансфертов и субсидий в ВВП. Вместе с тем проведенный ими анализ различных подходов к измерению расстояний между группами обнаружил, что влияние этнолингвистической гетерогенности на перераспределение статистически значимо лишь при учете степени лингвистической несхожести. Не принимая ее во внимание, связь между этими параметрами выявить нельзя.

Была исследована и связь этнолингвистических расколов с такими экономическими характеристиками, как экономический рост и качество предоставления общественных благ. Так, еще в конце прошлого века было показано, что этнолингвистическая гетерогенность, измеряемая как фрагментированность, отрицательно влияет на экономику страны, ибо этнические группы расходятся в своих предпочтениях относительно общественных благ. В частности, обнаружилось, что при повышении этнолингвистической фрагментированности увеличивается уровень младенческой смертности и снижается уровень грамотности[73].

[73] *Alesina et al. 1999.*

Позднее были получены свидетельства в пользу того, что если на обеспечении экономического роста и качестве предоставления общественных благ сказывается даже умеренная этнолингвистическая гетерогенность, то на характер политики перераспределения значимо влияют только глубокие этнолингвистические расколы (например, когда жители страны говорят на языках разных семей или как минимум разных ветвей одной семьи). Наличие таких расколов является также важным фактором возникновения гражданских конфликтов[74].

[74] *Desmet, Ortuño-Ortín, Wacziarg 2012.*

А.Алезина и Е.Журавская исследовали вопрос о том, связана ли сегрегация на субнациональном уровне с качеством государственного управления[75]. На основе переписей населения ими были рассчитаны индексы сегрегации в разрезе регионов по трем признакам: этническому (для 97 стран), лингвистическому (для 92 стран) и религиозному (для 75 стран). Для измерения качества государственного управления использовались индикаторы Всемирного банка[76]. С помощью методов эконометрики была выявлена статистически значимая отрицательная связь между качеством государственного управления и уровнем этнической и лингвистической сегрегации (с учетом степени фрагментированности стран на национальном уровне), причем оказалось, что соответствующий эффект сильнее выражен в демократических странах. По мнению авторов, такое положение вещей объясняется тем, что в странах с высоким уровнем сегрегации в среднем ниже общий уровень доверия среди граждан и одновременно выше вероятность появления партий, образованных для защиты интересов одних этнических групп в ущерб другим, что негативно сказывается на качестве госуправления.

[75] *Alesina, Zhuravskaya 2011.*

[76] *Worldwide s.a.*

Было замечено, что, несмотря на очевидные достоинства проекта «Этнология» (доступность данных и возможность их строгой классификации), использование его при оценке культурной дистанции между этническими группами далеко не всегда позволяет исследователю

измерить именно то, что он хочет. Серьезным подспорьем здесь мог бы стать филогенетический подход, однако ввиду ограниченности данных о генетической близости народов мира их трудно задействовать. Но логику указанного подхода можно применить и к языковым расколам. В основе систематики языков лежит их генетическая классификация; чем более грубым является деление (на уровне семьи, зоны или ветви), тем более фундаментальные различия оно отражает, тогда как наречия и диалекты характеризуют относительно неглубокие расхождение между народами. Поэтому, используя разную дробность деления на группы (по лингвистическому признаку), можно делать заключения о том, как измеренная на разных «срезах» лингвистического древа фрагментированность влияет на те или иные экономические параметры. Например, охват населения школьным образованием отрицательно связан с фрагментированностью, и при повышении дробности деления этот эффект становится все заметнее[77].

[77] Desmet, Ortuño-Ortín, Weber 2009.

В исследовании К.Ашрафа и О.Галора причиной культурной гетерогенности полагается генетическое разнообразие (genetic diversity)[78]. Опираясь на базу «*Human Genome Diversity Cell Line Panel*», где содержится информация о 53 этнических группах, и используя в своих расчетах два массива данных — по странам Старого Света до 1500 г. (чтобы нивелировать «шум», вызванный значительными миграционными потоками в XVI в.) и полный, по 143 государствам, с учетом расстояния от места расселения этнической группы до Восточной Африки (Аддис-Абеба, Эфиопия) как экзогенного источника генетического разнообразия, — авторы показывают, что последнее имеет значимую положительную связь с фрагментированностью, поляризованностью, а также с численностью этнических групп.

[78] Ashraf, Galor 2013.

В работе Р.М.Фама и Р.Холдера высказывается гипотеза, что степень этнической поляризации населения определяет связь между богатством природными ресурсами и имущественным неравенством: в этнически поляризованных обществах природные ресурсы способствуют увеличению имущественного неравенства, в неполяризованных — нет. Обосновывая свою позицию, авторы ссылаются на то, что в странах первого типа наличие природных ресурсов создает у каждой группы стимул переключить свои усилия с производственного сектора на ресурсный, что чревато противостоянием между группами, в котором может быть только один победитель. В обществах же, состоящих из множества этнических групп с небольшим удельным весом, ни одна из них не в состоянии полностью присвоить себе ресурсную ренту. В результате та распределяется между этническими группами более или менее равномерно, и наличие природных ресурсов никак не отражается на уровне имущественного неравенства[79]. То же самое относится и к этнически гомогенным обществам.

[79] Fum, Hodler 2010.

Эмпирическая проверка гипотезы на материале 79 стран подтвердила ее правомерность: в этнически поляризованных странах, богатых природными ресурсами (например, в Боливии и Мексике), степень

имущественного неравенства оказалась гораздо выше, чем, скажем, в этнически гомогенной Норвегии[80]. Однако подобное объяснение имущественного неравенства, бесспорно, не может считаться исчерпывающим.

[80] *Fum, Hodler 2010.*

На эмпирических данных, характеризующих ситуацию в 71 стране, было исследовано влияние религиозной и этнической гетерогенности на процессы демократизации[81]. Демократизация измерялась как изменение уровня политических прав и гражданских свобод (по версии Freedom House) за период с 1992 по 2006 г. В числе прочих предикторов демократизации (таких, как исходный уровень демократии, рост образованности населения, численности городского населения, ВВП, расходов на оборону, открытости), в регрессионную модель были поочередно включены индексы религиозной фрагментированности (рассчитанной по аналогии с ИЭЛФ) и поляризованности[82], этнической фрагментированности и поляризованности[83], а также общей социальной фрагментированности как результата агрегирования мер религиозной, лингвистической и этнической фрагментированности[84]. Анализ разных спецификаций регрессионной модели обнаружил, что демократизацию затрудняет религиозная, а не этническая гетерогенность.

[81] *Akdede 2010.*

[82] *Montalvo, Reynal-Querol 2003.*

[83] *Fearon 2003.*

[84] *Okediji 2005.*

Х.Монтальво и М.Рейнал-Куэрол попытались выяснить, влияет ли религиозная гетерогенность на экономическое развитие[85]. Для проверки гипотезы, согласно которой религиозная поляризованность может быть релевантным объясняющим фактором применительно к долгосрочному экономическому росту, оценивалась расширенная модель Солоу. На данных по 98 странам мира в период с 1960 по 1992 г. было показано, что религиозная поляризованность отрицательно связана как с ростом экономики, так и со среднедушевым доходом.

[85] *Montalvo, Reynal-Querol 2003.*

Алезина и ее соавторы высказали предположение, что пагубное воздействие на экономическое развитие страны оказывает не столько сама по себе этнолингвистическая фрагментированность, сколько имущественное неравенство этнических групп, препятствующее развитию институтов и способствующее росту враждебности, конфликтам, а также «захвату государства» частными интересами[86]. Для измерения такого неравенства были использованы данные о яркости ночного освещения (на душу населения) на территориях, заселенных той или иной этнической группой, на основе которых были вычислены значения коэффициента Джини[87]. Выяснилось, что рассчитанное таким образом экономическое неравенство слабо коррелирует со стандартными мерами имущественного неравенства, этнической фрагментированности, поляризованности и сегрегации[88], но имеет сильную обратную связь с показателем экономического развития страны — ВВП на душу населения.

[86] *Alesina, Michalopoulos, Papaioannou 2012.*

[87] *Ibid: 6.*

[88] *Alesina, Zhuravskaya 2011.*

«Воздействие неравенства на этнические конфликты зависит от социально-экономического состава этнических групп. Если одна группа состоит преимущественно из „капиталистов“, а другая из рабочих, то с ростом неравенства конфликт будет усиливаться», — такой вывод был получен Дж.А.Робинсоном на основе анализа данных

«Афробарометра»[89]. В свою очередь, в работе П.Коллира и А.Хёффлера, использовавших информацию базы данных «*Correlates of War Project: International and Civil War Data*» за 1962—1990 гг., были выделены следующие факторы, обусловливающие вероятность начала конфликта: среднедушевой доход, доходы от экспорта сырья и этнолингвистическая фрагментированность[90].

С одной стороны, удобно представлять этнические группы как «минимальные выигрывающие коалиции, достаточно большие для того, чтобы обеспечить выгоды в конкуренции... но достаточно маленькие, чтобы максимизировать эти выгоды в выражении на душу населения»[91], объясняя тем самым возникновение расколов по этническому признаку. С другой стороны, многие исследования опровергают наличие значимой связи между этнической фрагментированностью и возникновением гражданских войн и их длительностью[92].

Большинство конфликтов в 1945—1999 гг. происходило при слабом правительстве, неспособном обеспечить контроль над армией, доступом к оружию, добывающими секторами экономики (особенно связанными с экспортом сырья) и сельской местностью, а также при большой плотности населения[93]. Именно подобные условия, а не особенности политических институтов или культурная гетерогенность коррелируют с гражданскими конфликтами. При учете среднедушевого дохода, являющего индикатором силы правительства, выясняется, что в странах с высоким этическим разнообразием или влиятельным этническим большинством значимые этнические конфликты не более вероятны, чем в других. Конфликты чаще всего случаются в больших, бедных, недавно получивших свободу странах с большими запасами нефти[94].

По мнению Монтальво и Рейнал-Куэрол, настаивающих на важности учета этнического фактора при прогнозировании гражданских конфликтов, тот факт, что многие исследования не выявляют связи между этническим составом общества и его подверженностью гражданским конфликтам, объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, эти исследования нередко опираются на данные Атласа народов мира, отчасти уже утратившего свою релевантность, а во-вторых, в них обычно используется ИЭЛФ, который не способен учесть степень антагонизма групп в обществе. Согласно полученным ими результатам, для моделирования возникновения гражданских конфликтов гораздо более адекватным предиктором является индекс поляризованности RQ, причем его прогностические возможности тем выше, чем сильнее конфликт[95].

В модели, предложенной Дж.Эстебаном и Д.Реем, «приз» в конфликте подразделяется на частные блага (скажем, владение нефтяными месторождениями) и общественные (например, политическая власть). Доля первых составляет $1-\lambda$, доля вторых — λ[96]. Из-за желания обладать этими благами группы развязывают конфликт. Предполагается, что чем больше ресурсов привлечет группа, тем выше вероятность ее победы, а «средняя стоимость конфликта» (σ) является индикатором его интенсивности.

[89] *Robinson 2001: 88.*

[90] *Collier, Hoeffler 1998.*

[91] *Fearon 2006.*

[92] *См. Collier, Hoeffler 2004; Driessen, 2008; Duclos, Esteban, Ray 2004.*

[93] *Fearon, Laitin 2003: 79.*

[94] *См. Fearon 2006.*

[95] *Montalvo, Reynal-Querol 2005.*

[96] *Esteban, Ray 2011: 1348—1349.*

При определенных условиях интенсивность конфликта может быть представлена в виде комбинации трех мер неравенства — индекса Джини (G), индекса этнолингвистической фрагментированности (F) и индекса поляризованности *ER* (P)[97]:

[97] *Ibid.: 1353—1354.*

$$\sigma \approx \alpha\left[\lambda P + (1-\lambda)F\right] + \lambda(1-\alpha)\frac{G}{N} + \frac{(1-\lambda)(1-\alpha)(m-1)}{N},$$

где индекс Джини:

$$G = \sum_{i=1}^{m}\sum_{j=1}^{m} n_i n_j d_{ij},$$

индекс фрагментированности:

$$F = \sum_{i=1}^{m}\sum_{j\neq 1}^{m} n_i n_j = \sum_{j\neq 1}^{m} n_i (1-n_i),$$

индекс поляризованности:

$$P = \sum_{i=1}^{m}\sum_{j=1}^{m} n_i^2 n_j d_{ij}.$$

Вес каждого индекса в уравнении во многом зависит от характера конфликта. Так, если на кону стоят преимущественно частные блага, то интенсивность конфликта будет определяться степенью фрагментированности общества (F), если же речь идет прежде всего о нематериальном «призе» (например, об уже упомянутой политической власти), то степенью поляризованности (P). Что касается уровня имущественного неравенства (индекс Джини), то он является важным фактором интенсивности конфликта только при малой внутренней сплоченности групп (α).

Для эмпирической проверки своей теории авторы привлекли информацию по 138 государствам мира за 1960—2008 гг. Общее число наблюдений составило 1125. В качестве зависимой переменной (интенсивность конфликта) были использованы данные базы *UCDP/PRIO* о числе смертей от конфликтов в год, в частности бинарная переменная *PRIO25*: 1 — конфликт есть (25 и более смертей от конфликтов в год), 0 — конфликта нет.

В результате эконометрического моделирования (построения моделей бинарного и множественного выбора) обнаружилось, что этническая фрагментированность и поляризованность значимо и положительно связаны с возникновением и интенсивностью конфликта. Степень имущественного неравенства также статистически значимо связана с интенсивностью конфликта, но эта связь отрицательная и проявляется только при малой численности населения. Более того, оказалось, что важен относительный вес материальных и нематериальных благ в совокупном «призе» — коэффициент публичности λ, рассчитываемый по формуле:

$$\lambda = pub/(pub + oilresv/gdppc),$$

где *pub* — степень неподотчетности власти[98], *oilresv/gdppc* — доля натуральных ресурсов в ВВП на душу населения на начало периода.

В качестве альтернативного предиктора политического насилия и гражданских конфликтов может использоваться также индекс этнонациональной исключенности (ethnonationalist exclusiveness)[99]. ИЭЛФ и индексы поляризованности не учитывают близость этнических групп к государственной власти, тогда как фактором гражданских войн являются не расколы по этническому признаку сами по себе, а актуализация их политиками[100].

Для возникновения этнического конфликта необходимы: (а) наличие государственных институтов, за контроль над которыми ведется борьба, и (б) мобилизация на уровне групп, а не отдельных индивидов. Если от принятия решений и управления страной «отстранено» этническое большинство, то вероятность насильственных действий возрастает. Иначе говоря, в стране, где имеются две этнические группы, вероятность конфликта выше, если у власти находится меньшая по численности группа. В индексе этнонациональной исключенности (*N**) значимыми признаются только взаимодействия основной (правящей) группы с второстепенными (peripheral), причем считается, что последние не развязывают между собой гражданских конфликтов.

Индекс *N** задается как функция этнической структуры населения и вероятности конфликта между правящей и отстраненной от власти группами. Чем меньше удельный вес правящей группы, тем выше значение *N**. Расчет индекса осуществляется по формуле:

$$N^*(r,k) = 1 - \prod_{i=1}^{n-1} \frac{\{r(i)/r\}^{-k}}{1+\{r(i)/r\}^{-k}},$$

где $r(i) = s_i/(s_i + s_0)$ — удельный вес группы i в сообществе, образованном группой i и основной группой $(s_i + s_0)$, r — параметр, задающий порог, при преодолении которого шанс соперника на вступление в конфликт составляет 1:1.

Расчет значений индекса *N** с параметрами $r = 0{,}5$ и $k = 5$ показывает, что его связь с ИЭЛФ невысока (см. *табл. 1*) — коэффициент корреляции составляет 0,42.

[98] *Представляет собой среднее арифметическое переменных excons, autocr, polrights, civlib — индикаторов силы исполнительной власти, автократии (Polity IV), соблюдения политических прав и гражданских свобод (Freedom House) соответственно.*

[99] *Cederman, Girardin 2007.*

[100] *Wimmer 2002.*

Таблица 1 **Пример сравнения ИЭЛФ и *N****[101]

Структура групп	*ИЭЛФ*	*N*(0,5; 5)*
{**0,5**; 0,5}	0,5	0,5
{**0,7**; 0,3}	0,42	0,072
{**0,3**; 0,7}	0,42	0,843
{**0,3**; 0,3; 0,2; 0,2}	0,74	0,716
{**0,2**; 0,3; 0,3; 0,2}	0,74	0,959
{**0,2**; 0,2; 0,2; 0,2; 0,2}	0,78	0,937

[101] *В структуре групп первая величина соответствует удельному весу правящей группы. Если в правящую группу входят несколько этнических групп, их доли в численности населения суммируются.*

Гипотеза о том, что именно отсутствие доступа к политической власти является фактором, провоцирующим конфликты между этническими группами, была проверена на данных по 88 странам Европы, Азии и Северной Африки. С помощью регрессионного анализа было подтверждено, что именно индекс *N**, а не ИЭЛФ оказывается лучшим предиктором возникновения гражданских конфликтов.

На основе анализа данных базы *EPR* Л.-Е.Цедерман и его соавторы пришли к выводу, что в случае, если этническая группа некогда обладала доступом к политической власти, а затем его утратила (особенно если это произошло недавно), вероятность ее участия в вооруженном конфликте против правительства повышается[102].

[102] *Cederman, Wimmer, Min 2010.*

Адекватность полученных результатов получила подтверждение в рамках новой спецификации модели, включающей пространственные переменные: близость места расселения этнической группы к столице государства и к его границам[103]. Было также обнаружено, что группы, проживающие недалеко от границ и на большом расстоянии от столицы, более склонны участвовать в конфликтах по поводу территории, однако с вероятностью участия в конфликтах за государственную власть пространственные переменные статистически значимо не связаны.

[103] *Wucherpfennig et al. 2011: 426.*

Библиография

Алескеров Ф.Т., Бородин А.Д., Каспэ С.И., Маршаков В.А., Салмин А.М. 2005. *Поляризованность электоральных предпочтений в России: Опыт выборов в Государственную думу Российской Федерации в 1993—2003 гг.* Препринт WP7/2005/02. — М.

Алескеров Ф.Т., Голубенко М.А. 2003. *Об оценке симметричности политических взглядов и поляризованности общества*. Препринт WP7/2003/04. — М.

Бромлей Ю.В. (ред.) 1988. *Народы мира: Историко-этнографический справочник*. — М.

Брук С.И. 1986. *Население мира: Этнодемографический справочник*. — М.

Брук С.И. и др. (ред.) 1964. *Атлас народов мира*. — М.

Животовский Л.А., Хуснутдинова Э.К. 2003. Генетическая история человечества // *В мире науки*. № 7.

Кириченко И. 2005. Ксенофобия: испытание чужим // *Зеркало недели*. 1—7.10 (http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0215/gazeta09.php).

Климов Г.А. 1959. О глоттохронологическом методе датировки распада праязыка // *Вопросы языкознания*. № 2.

Паин Э.А. 2012. Этнические конфликты в постсоветской России // *Вестник Института Кеннана в России*. № 22.

Сергеев В.М. 2008. Социальная дистанция и национальные установки // *Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований*. № 2.

Тишков В.А. 2003. *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. — М.

Хабенская Е.О. 2006. Этническая идентичность: подходы к проблеме // *Развитие личности*. № 6.

Хойер Г. 1960. Лексикостатика (Критический разбор) // *Новое в лингвистике*. № 1.

Akdede S. 2010. Do More Ethnically and Religiously Diverse Countries Have Lower Democratization // *Economics Letters*. Vol. 106. № 2.

Alberto A., La Ferrara E. 2000. Participation in Heterogeneous Communities // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 115. № 3.

Alberto A., Michalopoulos S., Papaioannou E. 2012. Ethnic Inequality // *National Bureau of Economic Research Working Papers*. № 18512.

Alberto A., Zhuravskaya E. 2011. Segregation and the Quality of Government in a Cross Section of Countries // *American Economic Review*. Vol. 101. № 5.

Alesina A., Baquir R., Easterly W. 1999. Public Goods and Ethnic Divisions // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 114. № 4.

Alesina A. et al. 2003. Fractionalization // *Journal of Economic Growth*. № 8.

Ashraf Q., Galor O. 2013. Genetic Diversity and the Origins of Cultural Fragmentation // *American Economic Review*. Vol. 103. № 2.

Brockett C. D. 1992. Measuring Political Violence and Land Inequality in Central America // *American Political Science Review*. Vol. 86. № 1.

Brubaker R., Laitin D. 1998. Ethnic and Nationalist Violence // *Annual Review of Sociology*. Vol. 24.

Campos N., Saleh A., Kuzeyev V.S. 2009. Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth in the Transition Economies from 1989 to 2007 // *IZA Discussion Papers*. № 4597.

Cederman L.-E., Girardin L. 2007. Beyond Fractionalization: Mapping Ethnicity onto Nationalist Insurgencies // *American Political Science Review*. Vol. 101. № 1.

Cederman L.-E., Wimmer A., Min B. 2010. Why Do Ethnic Groups Rebel? New Data and Analysis // *World Politics*. Vol. 62. № 1.

Chandra K. 2006. What Is Ethnic Identity and Does It Matter? // *Annual Review of Political Science*. Vol. 9.

Collier P. 2001. Implications of Ethnic Diversity // *Economic Policy*. Vol. 16. № 32.

Collier P., Hoeffler A. 1998. On Economic Causes of Civil War // *Oxford Economic Papers*. Vol. 50. № 4.

Collier P., Hoeffler A. 2004. Greed and Grievance in Civil War // *Oxford Economic Papers*. Vol. 56. № 4.

Desmet K., Ortuño-Ortín I., Wacziarg R. 2012. The Political Economy of Linguistic Cleavages // *Journal of Development Economics*. № 97.

Desmet K., Ortuño-Ortín I., Weber S. 2005. Peripheral Diversity and Redistribution // *CEPR Discussion Papers*. № 5112.

Desmet K., Ortuño-Ortín I., Weber S. 2009. Linguistic Diversity and Redistribution // *Journal of the European Economic Association*. № 7.

Driessen M.D. 2008. Review of Ethno-Linguistic Fractionalization Data Sets // *APSA — Comparative Politics*. Vol. 19. № 1.

Duclos J.Y., Esteban J., Ray D. 2004. Polarization: Concepts, Measurement, Estimation // *Econometrica*. Vol. 72. № 6.

Dyen I., Kruskal B.J., Black P. 1992. An Indoeuropean Classification: A Lexicostatistical Experiment // *Transactions of the American Philosophical Society*. Vol. 82. № 5.

Easterly W., Levine R. 1997. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 112. № 4.

Eifert B., Miguel E., Posner D.N. 2010. Political Competition and Ethnic Identification in Africa // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 2.

Esteban J., Mayoral L., Ray D. 2012. Ethnicity and Conflict: An Empirical Study // *American Economic Review*. Vol. 102. № 4.

Esteban J., Ray D. 1994. On the Measurement of Polarization // *Econometrica*. Vol. 62. № 4.

Esteban J., Ray D. 2011. Linking Conflict to Inequality and Polarization // *American Economic Review*. Vol. 101. № 4.

Ethnic *Power Relations (EPR) Dataset* (http://dvn.iq.harvard.edu/dvn/dv/epr).

Fearon J.D. 2003. Ethnic and Cultural Diversity by Country // *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. № 2.

Fearon J.D. 2006. Ethnic Mobilization and Ethnic Violence // Ritchie D.A., Weingast B.R. (eds.) *Oxford Handbook of Political Economy*. — Oxford.

Fearon J.D., Laitin D.D. 2000. Violence and the Social Construction of Ethnic Identity // *International Organization*. Vol. 54. № 4.

Fearon J.D., Laitin D.D. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*. Vol. 97. № 1.

Fum R.M., Hodler R. 2010. Natural Resources and Income Inequality: The Role of Ethnic Divisions // *Economics Letters*. Vol. 107. № 3.

Geo-referencing *Ethnic Power Relations (GeoEPR-ETH) Version 2.0* (http://www.icr.ethz.ch/data/growup/geoepr-eth).

Ginsburgh V., Weber S. 2011. *How Many Languages Do We Need? The Economics of Linguistic Diversity*. — Princeton.

Ginsburgh V., Weber S. 2012. Culture, Languages and Economics // Ginsburgh V., Throsby D. (eds.) *The Handbook of the Economics of Art and Culture*. Vol. 2. — Amsterdam.

Greenberg J.H. 1956. The Measurement of Linguistic Diversity // *Language*. Vol. 32. № 1.

Horowitz D.L. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. — Berkeley.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. 1999. The Quality of Government // *Journal of Law, Economics and Organization*. Vol. 15. № 1.

Lewis M.P. (ed.) 2009. *Ethnologue: Languages of the World*. — Dallas (http://www.ethnologue.com/).

Lind J. T. 2007. Fractionalization and Inter-Group Differences // *Kyklos*. Vol. 60. № 1.

Mauro P. 1995. Corruption and Growth // *Quarterly Journal of Economics*. № 110.

Midlarski M.I. 1988. Rulers and the Ruled: Patterned Inequality and the Onset of Mass Political Violence // *American Political Science Review*. Vol. 82. № 2.

Minorities *at Risk Project* (http://www.cidcm.umd.edu/mar/).

Montalvo J.G., Reynal-Querol M. 2003. Religious Polarization and Economic Development // *Economics Letters*. Vol. 80. № 2.

Montalvo J.G., Reynal-Querol M. 2005. Ethnic Polarization, Potential Conflict and Civil Wars // *American Economic Review*. Vol. 95. № 3.

Muller E.N., Seligson M.A., Fu H., Midlarski M.I. 1989. Land Inequality and Political Violence // *American Political Science Review*. Vol. 83. № 2.

Nei M., Takezaki N. 1996. The Root of the Phylogenetic Tree of Human Populations // *Molecular Biology and Evolution*. Vol. 13. № 1.

Okediji O.T. 2005. The Dynamics of Ethnic Fragmentation: a Proposal for an Expanded Measurement Index // *The American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 64. № 2.

Posner D.N. 2004. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*. Vol. 48. № 4.

Reynal-Querol M. 2002. Ethnicity, Political Systems and Civil War // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 46. № 1.

Robinson J.A. 2001. Social Identity, Inequality, and Conflict // *Economics of Governance*. Vol. 2. № 2.

Roeder P. 2001. *Ethnolinguistic Fractionalization (ELF) Indices, 1961 and 1985* (http://weber.ucsd.edu/~proeder/elf.htm).

Scarritt J.R., Mozaffar S. 1999. The Specification of Ethnic Cleavages and Ethnopolitical Groups for the Analysis of Democratic Competition in Contemporary Africa // *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 5. № 1.

Worldwide *Governance Indicators (WGI) Project* (http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp).

Weber M. 1968. Economy and Society // Roth G., Wittich C. (eds.) *Economy and Society*: *An Outline of Interpretive Sociology*. — Berkeley.

Weidmann N.B., Rød J.K., Cederman L.-E. 2010. Representing Ethnic Groups in Space: A New Dataset // *Journal of Peace Research*. Vol. 47. № 4.

Wimmer A., Schiller N.G. 2002. Methodological Nationalism and Beyond: Nation-state Building, Migration and the Social Sciences // *Global Networks*. Vol. 2. № 4.

Wolfson M.C. 1994. When Inequalities Diverge American // *American Economic Review*. Vol. 84. № 2.

Wucherpfennig J. et al. 2011. Politically Relevant Ethnic Groups across Space and Time: Introducing the GeoEPR Dataset // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 28. № 5.